

рических красок и гипербола, рисуя картины жизни египетского общества и портреты отдельных его членов. Он остается убежденным сторонником прогресса и просвещения, но настаивает на необходимости сохранения традиционных духовных и нравственных ценностей ислама. Осознает, что прогресс и просвещение вовсе не означают избавления общества и человека от пороков и недостатков, и тем самым подрывает самые устойчи-

просветительской идеологии - веру в безусловно благотворное влияние знаний на индивидуальную и общественную нравственность. Бытописательский пласт «Хадиса», выведенные в нем типы, олицетворяющие египетский национальный характер, оказали самое непосредственное влияние на творчество египетских прозаиков начала XX в., поставивших себе задачу создания национальной реалистической литературы.

В 1927 г. «Хадис Исы ибн Хишама» был включен египетским министерством образования в программу школьного обучения. Книга переиздавалась в Египте 8 раз, последний - в 2002 г., и до сих пор читается с удовольствием и не утратила своей злободневности.

Автор рецензии на французский перевод «Хадиса» (2005 г.) назвал произведение «абсолютным шедевром».

ПЕРИОД ВРЕМЕНИ, ИЛИ РАССКАЗ ИСЫ ИБН ХИШАМА «НАЗИДАНИЕ»

МУХАММАД АЛ-МУВАЙЛИХИ
(Египет)

Привиделось мне во сне, будто по пустынному кладбищу ал-Имам¹ я бродил среди надгробий и могил ночью лунною, чудесной, осиянной блеском светил небесных, при свете их хоть жемчужины в ожерелье собирай, хоть песчинки малые считай. Могилы и камни я созерцал и сам с собою рассуждал о гордыне человека безмерной, о погоне его за славой беспримерной, о том, сколь велики его притязания и необузданные желания, как много мнит он о себе, забывая о предуготованной ему судьбе. До небес гордец нос задирал, собранное и накопленное напоказ выставляет, а придет смертный час и уткнется носом в могилу, и вот уже гордость и славу его могильной плитой придавило. Так я бродил и размышлял, кружил по кладбищу и вспоминал, а напомнила мне сухая земля слова мудрого Абу-л-'Ала²:

*Осторожно ступай по покрову земли,
ведь под ним прах людей, что до нас здесь
прошли.*

*Сколько б лет ни минуло, негоже потомкам
память предков не чтить, кои в землю легли.
Потихоньку иди, если можешь, земли не касаясь,
прах почивших Аллаха рабов уважай и в пыли.*

Порыв раскаяния меня охватил, и шаг я замедлил у одной из могил. Пришло мне в голову, что среди многих, упокоившихся тут, и красавицы юные нашли свой приют. Некогда были уста их *киблой*³ влюбленных, на сладость их поцелуя был кто-то готов променять вод Каусара⁴ благодать. Теперь же смешались их прах и кости с песком и камнями на этом погосте.

Красавиц тех щекам завидовали розы и капельки росы роняли с лепестков, как слезы. Сердца при виде этих щек воспламенялись, а родинка семечком кардамона или каплей влаги небесной в венчике анемона

казалась. Стыдливость юности их украшала. Но время жалости не знало, и стали они по приговору судьбы прахом земли.

А очи красавиц, ловившие в сети ресниц великих царей и обращавшие пастырей народов в послушных детей! Они соблазнили Марута и Харута⁵ в Вавилоне, им покорялся тот, кто диктовал другим свои законы, - с короною в руке и с вспотевшей от робости головой молил он о милости, как молит о подавании нищий с сумой. И вот эти очи засыпаны землей могилы, словно и не было у них никогда чарующей силы.

А роскошные волосы цвета воронова крыла, восхитившие своим блеском сердце и взгляд, - рука времени их скосила, а смерть соткала из них саван могильный.

А груди, подобные серебряным шарам, украшенным кусочками коралла, или ледяным холмам, увенчанным зернышками граната, - превратились они по прошествии дней в кормушки для могильных червей.

*Сколько берегших от поцелуя щечку
от плена могилы щеки не уберегли,
А шеи, для которых груз ожерелий был тяжек,
несут на себе всю тяжесть земли.*

Среди черепов и костей покоятся и останки могучих царей, многие страны принудивших покориться и пытавшихся со звездами сравниться. Владыки, то милостивые, то жестоко казнившие, судьбы мира пером и мечом вершившие, тела и души подданных поработившие, те, кого поэты как солнца и луны воспевали, сравнивались с теми, кого поработили, и сегодня великий и малый неотличимы стали.

*Для смерти все равны, и нищий и богатый,
и рвущийся наверх, и потерпевший крах,*

*И юноша-герой, и девушка-невеста,
хосрой⁶ в своем дворце, паук в своих сетях.
Все в землю лягут, смерть неумолима,
и самый лучший завершит свой путь в ее ког-
тях.*

*И каждый катафалк, как тонущий корабль,
бросает
в пучину моря смерти новый прах.*

Я погрузился в свои думы и размышления, вспоминал мудрые назидания и поучения, думал о превратностях судьбы и чудесах предопределения, о тайнах и загадках воскресения, как вдруг почувствовал позади себя страшное землетрясение, повергшее меня в испуг и в недоумение. Объятый страхом, я обернулся и увидел, как разверзлась одна из могил и из нее вышел человек высокого роста, полный сил, с гордо посаженной головой, благородный и величественный собой. От испуга я чуть не лишился ума, подобно Мусе в день, когда раскололась скала⁷. А когда пришел в себя и страх превозмог, кинулся бежать со всех ног. И услышал, как он меня зовет, и увидел, что он ко мне идет. Я остановился, приказу подчиняясь и зля с его стороны опасаясь. Разговор между нами завязался, в котором турецкий язык с арабским мешался.

Покойник: Как имя твое, человек, кто ты и что привело тебя сюда?

Я подумал про себя: Уж не один ли это из двух ангелов⁸? Его вопросы из числа тех, что задают они. Господи, помоги мне выдержать испытание и упаси от тяжкого наказания, достаточно того, что я уже испытал. Потом обернулся к нему и сказал:

Иса ибн Хишам: Имя мое Иса ибн Хишам, а по роду занятий я служитель пера. Сюда же пришел, чтобы уроки извлечь из посещения могил, по мне они поучительней проповедей, произносимых с *минбаров*⁹.

Покойник: А где ж твои чернильница и тетрадь, *муаллим*¹⁰ Иса?

Иса ибн Хишам: Я не писец и пишу не счета и бумаги канцелярские, а сочинения для любителей чтения.

Покойник: Недурно. Так вот, сочинитель, ступай-ка в мой дом да вели, чтобы мне принесли мое платье и привели моего коня Дахмана.

Иса ибн Хишам: Где твой дом, господин? Я не знаю его.

Покойник (презрительно): Скажи мне на милость, из какой ты страны? Вижу, ты не египтянин, ведь в этой стране нет человека, который не знал бы дома Ахмада ал-Маникли-паши, инспектора египетской армии.

Иса ибн Хишам: Нет, паша, я коренной египтянин, а дома твоего не знаю потому, что дома в Египте известны не по именам их владельцев, а по названиям улиц и переулков и по номерам. Изволь назвать мне улицу, где стоит твой дом, скажи его номер, и я немедленно туда отправлюсь и все, что тебе надобно, доставлю.

Паша (гневно): Ты что, сочинитель, умом повредился? Какие могут быть номера у домов? Номера бывают лишь у указов властей да у армейских частей. Лучше отдай мне свою *абайу*¹¹ наготу прикрыть и проводи меня до моего дома.

Сказал **Иса ибн Хишам:** Отдал я ему свою *абайу* - известно, что грабят прохожих только разбойники с больших дорог, а оказалось, что так поступают и жильцы могил, - он безразлично и нехотя накинул ее на себя и сказал:

Паша: Нужда заставит! Мы облачались, чтобы не быть узанными, и в худшее тряпье, сопровождая нашего покойного господина Ибрахима-пашу¹², когда по

ночам он обходил город, чтобы самолично проверить дела своих подданных. Но что нам делать, как войти в город?

Иса ибн Хишам: Что ты хочешь сказать?

Паша: Ты забыл, что сейчас последняя треть ночи, а у ворот Каира никто не признает меня в этом наряде? А я не знаю ночного пароля. Нам не откроют ворот!

Иса ибн Хишам: Как ты, господин, не ведаешь о номерах домов и никогда о них не слышал, так я не имею понятия о «ночном пароле».

Паша (с насмешкой): Я же говорил, что ты не из этой страны! Как же ты не знаешь, что «пароль» - это слово, которое каждый вечер сообщают из цитадели¹³ всем караулам и страже ворот. Никто не может ходить ночью по городу, не зная этого слова, он называет его на ухо стражнику, и тот открывает ворота. Пароль тайно испрашивается у властей теми, у кого есть дела по ночам, и меняется каждую ночь. То это слово «чечевица», то «овощи», то «голуби», то «куры» и тому подобное¹⁴.

Иса ибн Хишам: Теперь я вижу: это ты не египтянин. Ведь всем известно, что эти слова - названия кушаний, а не разрешения на ночное хождение. Однако рассвет уже не за горами, и нам не потребуются ни эти, ни другие слова.

Паша: Я полагаюсь на тебя.

Говорил **Иса ибн Хишам:** Мы отправились в путь, и паша рассказал мне многое о себе, поведал о войнах и других событиях, свидетелем которых он был или о которых слышал, вспомнил о деяниях Мухаммада 'Али¹⁵ и о храбрости сына его Ибрахима.

Мы продолжали идти, пока не достигли, уже при свете дня, площади перед цитаделью. Тут паша остановился, успокоившись, почтительно прочел суру «*ал-Фатиха*»¹⁶ у мавзолея Мухаммада 'Али и, обратившись к цитадели, торжественно возгласил на своем турецком языке:

«О, источник благоденствий и место гибели главарей заносчивых *мамлюков*¹⁷, о, твердыня власти и государства, колыбель величия и силы, оплот славы и прибежище нуждающегося в защите и спасении, залог исполнения желаний и просьб, жилище неустрашимого героя и место упокоения великого правителя. О, крепость, скольких ты освободила и сковала благоденствием, помиловав, а скольких, надменных, унизила, лишив их мечей, ты сочетала силу с великодушием, даруя кому жизнь, кому погибель».

Говорил **Иса ибн Хишам:** Потом паша обернулся ко мне и сказал: «Поспешим же к дому, там я надену свое платье, опояшусь мечом и сяду на своего коня, чтобы вернуться в цитадель и облобызать полу нынешнего великого благодетеля».

ШУРТА, ИЛИ ПОЛИЦИЯ¹⁸

Мы покинули площадь и снова пустились в путь. Вдруг дорогу нам преградил погонщик со своим ослом. Негодяй обучил животное загроживать прохожим дорогу и не пропускать их. В какую бы сторону мы ни двинулись, осел оказывался перед нами, а погонщик кричал до хрипоты и хватал моего спутника за полы.

Погонщик (паше): Садись, эфенди, не лишай меня работы, я уже два часа за тобой иду.

Паша (погонщику): Что ты, бесстыдник, заставляешь меня садиться на осла, когда я этого не хочу и не звал тебя?! Пристойно ли подобному мне, привыкшему ездить на резвом коне, труситься на ревущем осле?

Погонщик: Не отказывайся, ты же махнул мне рукой, идя по улице ал-Имам и беседуя со своим спутником. После этого меня многие подзывали, но я даже

не оборачивался в их сторону, следовал за тобой. Садись или плати мне что положено.

Паша (отталкивая погонщика рукой): Пошел вон, наглец, было бы при мне оружие, убил бы тебя.

Погонщик (вызывающе): Думай, прежде чем говорить! Либо плати мне, либо пойдешь со мной в участок и увидишь, какое наказание там тебя ждет за то, что грозил мне убийством.

Паша (Исе ибн Хишаму): Меня удивляет, как терпелив ты к этому наглому, распоясавшемуся *феллаху*¹⁹, давай-ка, всыпь ему хорошенько от меня, чтобы он уgomонился и отвязался.

Иса ибн Хишам: Нельзя, ведь есть закон и власть!

Паша: Что с тобой? Ты трусишь? От страха у тебя даже дух перехватило! Чего тебе бояться, когда ты со мной? Не ожидал такого от тебя!

Погонщик (презрительно): Прошу прощения! Кто ты и кто я?! Да мы живем во времена свободы, все равны между собой, и нет разницы между погонщиком и эмиром!

Паша (Исе ибн Хишаму): Горе тебе! Или ударь его, или я его убью.

Иса ибн Хишам: Я никого не стану бить, а ты никого не убьешь, пока я с тобой. Знай, что если мы совершим «проступок» или «правонарушение» или «преступление», то неминуемо последует наказание. Поэтому не удивляйся моему долготерпению. Вспомни, что сказал ал-Хидр²⁰ Мусе, мир ему: «Ты не в состоянии будешь со мной утерпеть. И как ты вытерпишь то, о чем не имеешь знания?»²¹ Лучший способ избавиться от наглости этого наглеца - дать ему немного денег, и он отвяжется от нас. А я молю Аллаха, чтобы он благополучно довел нас до твоего дома.

Паша: Не давай этому твякающему псу ни дирхе-ма²²! Я же приказал тебе ударить его. Если ты этого не сделаешь, то придется мне самому поколотить его для вразумления. Шкура феллаха годна, лишь когда ее отстегают.

Говорил **Иса ибн Хишам**: Паша схватил погонщика за шею и принялся его колошматить. Погонщик завопил что было сил: «Полиция! Полиция!». Я пытался спасти его от побоев и молил Аллаха о помощи в этот злополучный день. Я говорил паше, что все это плохо кончится, напоминал, что перед Аллахом все рабы его равны. Но слова мои только разпалляли пашу, лицо его искажилось, глаза вылезли из орбит, губы сжались, ноздри раздулись, лоб нахмурился. Я испугался, что, обезумев от гнева, он побьет и меня. Чтобы избежать этого, я сказал ему: «Человеку твоего ранга не пристало так поступать. Твоя благородная рука не должна касаться этой дряни». Эти слова немного его успокоили. Я обернулся к погонщику, незаметно для паши сунул ему в руку несколько дирхемов и велел уходить. Но этот подлец завопил еще громче, призывая полицию.

Паша (Исе ибн Хишаму): Я же говорил тебе, что феллаха исправишь лишь битьем! Разве ты не знал, что для него самое верное средство отвести от себя беду, это воззвать к шейхам и святым! Но скажи мне, кто такой «полиция», которого он зовет, это новый святой?

Иса ибн Хишам: Да, вроде того. Полиция это сила, в которой воплотилась власть.

Паша: Я не понимаю смысла этих слов, растолкуй мне хорошенько, что такое полиция.

Иса ибн Хишам: Это вооруженные слуги, чтобы тебе было понятнее.

Паша: Ну и где же эти «слуги», отчего они не слышат зова? Пусть придут и разберутся с этим злодеем.

Погонщик: Полиция! Полиция!

Паша (Исе ибн Хишаму): Давай и ты, зови вооруженных слуг.

Говорил **Иса ибн Хишам**: Я подумал, к чему мне звать полицию, упаси Аллах от ее вмешательства. Полицейский стоял недалеко от нас, но на призыв не откликнулся. Я сказал паше: «Полицейский вон он, перед нами, но кричать и звать его бесполезно. Он, как видишь, занят продавцом фруктов и овощей». Погонщик тоже заметил полицейского и кинулся к нему, а за ним и зрители, собравшиеся вокруг нас. Полицейский стоял, держа в руке красный платок, полный всякой снеди, собранной утром у рыночных торговцев на его «участке». Он разбирался с хозяином лавки, приказывал ему убрать вовнутрь стебли сахарного тростника, выложенные снаружи. В другой руке он держал стебель тростника и размахивал им перед лицом торговца, как копьем. Одновременно он забавлял этим ребенка, сидевшего на плече у матери, и смешил его. Наконец он двинулся к нам с платком в одной руке и со стеблем в другой.

Полицейский (собравшимся): Что за крики с утра пораньше? К чему эти вопли и суматоха? На вас никакой полиции не хватит!

Погонщик: Спаси меня, господин сержант, этот человек поколотил меня и не отдает заработанное. Ты же знаешь, я всегда стою на этом самом месте и никогда ни с кем не ссорюсь и не враждую.

Паша: Забери этого негодяя в тюрьму и держи там до моего приказа.

Полицейский (погонщику): Где тебя нанял этот человек, Мурси?

Погонщик: Неподалеку от ал-Имам.

Паша (полицейскому): Почему ты не выполняешь мой приказ? Живоvedi его в тюрьму.

Полицейский (со смехом): Ты, похоже, из тех умалишенных, что собираются возле ал-Имам. Пошли-ка со мной в участок, по тебе видно, что карманы твои пусты и платить тебе нечем.

Говорил **Иса ибн Хишам**: Полицейский ухватил пашу за руку и потащил его, а тот от изумления чуть не лишился дара речи и не знал, что ему делать. Платок с фруктами и прочей снедью полицейский оставил у человека, которому погонщик поручил своего осла. Мой приятель паша плелся, влекомый за руку полицейским, за ними шел погонщик, а следом - вся толпа. Когда подошли к участку и поднялись по лестнице, погонщик вновь принялся вопить что было мочи. Один из состоявших при участке солдат дал ему затрещину, чтоб замолчал - не дай Бог, разбудит господина помощника, спавшего глубоким сном. Мы вошли в кабинет фельдфебеля для проведения дознания. Фельдфебель завтракал, перо у него было за ухом, он снял с головы *тарбуш*²³, скинул с ног ботинки и расстегнул пуговицы мундира. Рядом с ним стояли два феллаха, думаю, его родственники, которые воочию могли убедиться в том, как ловко он командует всем и вся в столице государства, главном городе страны, как может арестовать любого, кем бы он ни был, и вытрясти из него душу. Фельдфебель выгнал нас из кабинета, чтоб не мешали есть, и мы стали ждать в коридоре. Измученный паша хотел облокотиться о стену, но рука у него подвернулась, и он упал прямо на солдата, подметавшего пол. Солдат разразился бранью, вбежал в кабинет и сказал фельдфебелю, что обвиняемый, на которого жалуется погонщик, напал на него во время исполнения им своих служебных обязанностей и ударил его всем своим телом. Фельдфебель велел ввести обвиняемого и вызвал писаря для составления двух протоколов: одного - о правонарушении, другого - о пре-

ступлении. Он сам продиктовал, согласно предписанной форме, текст, из которого я не понял ни слова. После того, как приведший нас полицейский дал показания в пользу погонщика, а сам фельдфебель засвидетельствовал факт нападения обвиняемого на его подчиненного, находившегося «при исполнении», он прилепнул оба протокола печатью и приказал отвести обвиняемого в арестантскую и составить обвинительное заключение. Солдат-истец ухватил моего спутника за руку и поволок в камеру, осыпая при этом побоями. Паша все еще пребывал в растерянности и недоумении, а выйдя из оцепенения, обернулся ко мне и сказал:

Паша: Я уже ничего не соображаю, что это - Судный день? Или страшный сон? Или Всевышний столь разгневался на меня, что послал мне это великое унижение?

Иса ибн Хишам: Придется тебе смириться и потерпеть, пока мы не выпутаемся из этой истории.

Говорил **Иса ибн Хишам:** Когда мы оказались перед писарем, составлявшим обвинительное заключение, паша спросил, положен ли ему поручитель. Я предложил в поручители себя, но мне отказали, заявив, что требуется подтверждение от *шейха квартала*²⁴. Я растерялся, где мне сейчас найти *шейха квартала*? Один из солдат шепнул мне на ухо: «Выйди на улицу, ты найдешь *шейха квартала* возле двери, дай ему десять *киршей*²⁵, и он подтвердит твоё поручительство. Солдат пошел вместе со мной, указал мне *шейха квартала* и помог договориться о плате за услугу. Потом он оставил меня и присоединился к другим солдатам, которые кулаками затыкали рты жалобщикам, чьи стенания и причитания нарушали мирный сон господина помощника. Неожиданно они прекратили избиение и в мгновение ока разбежались, как будто кто-то пригрозил им с небес, а тот, который наносил рабам Аллаха самые свирепые удары, ринулся в комнату, где спал помощник, пинком открыл дверь и стал немилосердно трясти спящего. Помощник в страхе проснулся, и ему сообщили, что у входа в участок замечен приближающийся к нему инспектор. Помощник второпях накинул мундир и помчался ему навстречу. Завидев инспектора, стал по стойке «смирно». К несчастью, нахлобучивая на голову тарбуш, он не повернул его кисточкой вправо, как положено, и кисточка свисала ему на лоб. К тому же он не успел побриться, и щеки его заросли щетиной. Инспектор рассердился, сделал ему выговор и, войдя в комнату, стал писать приказ о наложении на помощника взыскания за нарушение «установленной формы одежды».

Когда паша услышал, что побои и крики враз прекратились, увидел, как перепугались солдаты и как засуетился помощник, он спросил меня, кто этот человек, приход которого вызвал такой переполох. Я объяснил ему, что это инспектор, явившийся в участок для проверки и расследования «дел», рассмотрения жалоб жалобщиков и приведения всех принимаемых мер в соответствие с законом и порядком. Паша сказал: «Так, войдем же к нему и расскажем об оскорблениях, которыми мы подверглись». Мы вошли в кабинет и застали инспектора пишущим свой приказ. Он обернулся к нам и спросил, что у нас за дело. А когда мы начали излагать свою историю, приказал одному из солдат вывести нас из кабинета. Положил написанный приказ в карман и быстро вышел, не озаботившись никакой проверкой, кроме проверки формы одежды помощника. После его ухода побои, крики и шум во всех помещениях участка возобновились с еще большей силой, чем до его прихода. Один из избиваемых, не вытерпев

боли, закричал, что пожалуется в прокуратуру на то, что творится в участке. Солдат зашел к помощнику передать ему эти слова. Я приложил ухо к двери и услышал, как помощник рассуждает сам с собой: «Что за мерзкая служба, будь она проклята! Чего только не приходится выносить ради пенсии! Слава Аллаху, хоть этот инспектор из иностранцев, а не из арабов, он плохо знает язык и не сведущ в работе, вот и проверил только мой тарбуш и мою щетину. Если бы пришел араб, он влез бы во все дела и углядел бы все нарушения и отступления от «правил».

Потом обернулся к солдату и выслушал от него сказанное человеком, решившим пожаловаться в прокуратуру. Тут он вконец расстроился, обозлился и приказал запереть всех обвиняемых на двадцать четыре часа, в том числе и пашу. Я вошел в кабинет и стал просить помощника отпустить пашу под мое поручительство. Он отказал мне в этом и с хмурым видом добавил: «Пусть лучше побудет в участке до завтра, до выяснения всех обстоятельств, а потом мы препроводим его в прокуратуру». И паша отправился в арестантскую.

*Перевод с арабского
д.ф.н. В.Н. КИРПИЧЕНКО*

¹ Кладбище ал-Имам - кладбище имама аш-Шафи' и (767-974), основателя шафиитского толка в исламе, находилось на юго-восточной окраине Каира.

² Абу-л-'Ала ал-Ма'арри (973-1058) - великий арабский поэт.

³ *Кибла* - сторона (Мекка), к которой мусульманин обращается лицом во время молитвы.

⁴ *Каусар* - райская река, вода которой слаще меда.

⁵ *Марут* и *Харут* - ангелы, посланные на землю надзирать за нравственностью людей и согрешившие, не устояв перед женской красотой, за что были лишены крыльев и заточены в подземную темницу в Вавилоне.

⁶ *Хосрой* - титул древних персидских царей.

⁷ День, когда раскололась скала - намек на «моисеево чудо»: из скалы, которую Моисей расколол своим жезлом, потекла вода (библ.-коранич.).

⁸ Два ангела (Мункар и Накир) - ангелы, допрашивающие покойника в могиле.

⁹ *Минбар* - кафедра в мечети, на которой стоит проповедник.

¹⁰ *Муаллим* - мастер, учитель.

¹¹ *Абайя* - верхняя одежда типа плаща.

¹² Ибрахим-паша (1789-1848) - сын Мухаммада 'Али, командовавший армией.

¹³ Цитадель - крепость в Каире (построенная султаном Салах ад-Дином ал-Аййуби в XII в.), где размещался двор правителя.

¹⁴ Реминисценция «Тысячи и одной ночи»: «Симсим, открой дверь!» (симсим - араб. кунжут).

¹⁵ Мухаммад 'Али - турецкий наместник (вали), фактически самостоятельный правитель Египта (1803-1849), основатель династии, правившей до 1952 г.

¹⁶ *Ал-Фатиха* (Открывающая) - первая сура Корана.

¹⁷ 1 марта 1911 г. Мухаммад 'Али пригласил в цитадель около 500 мамлюкских эмиров и перебил их, когда они выезжали из нее и оказались запертыми между внутренними и внешними воротами.

¹⁸ *Шурта* - городская стража, полиция. Автор употребляет оба, и арабское, и вошедшее в обиход европейское названия.

¹⁹ *Феллах* - (араб.) крестьянин, (зд.) египтянин из простонародья.

²⁰ *Хидр* - пророк, покровитель странников, упоминается в Коране не названным по имени как спутник Мусы в странствии к «слиянию двух морей».

²¹ Коран 18: 67 (пер. И.Ю. Крачковского).

²² *Дирхем* - серебряная монета, имевшая хождение в Египте во времена ал-Мувайлихи.

²³ *Тарбуш* - высокая темнокрасная феска с черной шелковой кисточкой, форменный головной убор.

²⁴ *Шейх квартала* - главный представитель административной власти в квартале.

²⁵ *Кирш* - пиастр, мелкая монета, сотая часть *гинеи* (фунта).